I

П. Н. БЕРКОВ

НАСУЩНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЗИЦИИ Н. И. НОВИКОВА

Три четверти века без нескольких месяцев прожил этот замечательный деятель русской культуры, и как раз такие три четверти века, на одном конце которых стоят первые значительные литературно-общественные выступления Ломоносова и Сумарокова и на другом — первые политические организации будущих декабристов. Указанные хронологические даты не простое, или, как принято говорить, «случайное» совпадение фактов. В историко-философском смысле жизненный путь Новикова есть соединительное звено между ранним русским просветительством XVIII в. и дворянскими революционерами XIX столетия; это мост между сторонниками и пропагандистами идей просвещенного абсолютизма, с одной стороны, и более или менее полными и последовательными отрицателями русского абсолютизма, с другой.

Конечно, было бы неверно понимать сказанное в том смысле, что именно Новиков и только он один представлял собой соединительное звено и мост между поколением ранних просветителей 40-х годов XVIII в. и поколением участников «Союза благоденствия» и «Союза спасения».

По времени рождения и по своим нравственным и политическим убеждениям Новиков принадлежал к той группе наших выдающихся писателей, которая увидела свет в 1740-х годах. Это были Я. Б. Княжнин (1740), Г. Р. Державин, Е. Р. Дашкова и И. Ф. Богданович (1743), Д. И. Фонвизин и Н. И. Новиков (1744), И. И. Хемницер (1745), наконец, А. Н. Радищев (1749). В то же десятилетие родились также С. Башилов (1740), С. А. Порошин (1741), С. Г. Домашнев (1743), гр. А. И. Мусин-Пушкин (1744), А. В. Храповицкий (1749). Иными словами, сверстниками Новикова были по существу наиболее крупные литературные и общественные деятели России последней трети XVIII в.

Как ни различны были по своим позициям такие люди этого десятилетия, как Радищев и Фонвизин, с одной стороны, и Мусин-Пушкин и Храповицкий, с другой, всех их сближает, всех их роднит то, что они вырастали тогда, когда по-настоящему стали ощущаться следствия того исторического процесса, который принято называть «реформами Петра Великого». Поразительно точная характеристика этих десятилетий находится в «Исторических замечаниях» А. С. Пушкина: «Новое поколение, воспитанное под влиянием европейским, час от часу более привыкало к выгодам просвещения. Гражданские и военные чиновники более и более умножались; иностранцы, в то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластический педантизм по-прежнему приносил свою неприметную пользу. Отечественные таланты стали изредка появляться и щедро были награждаемы. Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностию подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе».[1]

В этой часто приводимой цитате важна идея, обычно не обращающая на себя внимания: в результате петровских реформ возникает просвещенное общество, возникает общественная инициатива, и это все противостоит невежеству правительства, его безынициативности, его инертности.

В самом деле, чем меньше в государстве в определенные моменты его истории высших и даже средних учебных заведений, тем большую роль играют они в культурной жизни народа, тем большее значение приобретают их питомцы в истории страны. Не все писатели, родившиеся в одно десятилетие с Новиковым, учились в гимназиях при Московском университете и в самом университете, но тем большую роль сыграло университетское и гимназическое образование в судьбе Фонвизина, Новикова, а также С. Г. Домашнева, И. Ф. Богдановича, кн. Ф. А. Козловского, П. И. Фонвизина, С. Башилова, В. Г. Рубана и др. Участие студентов в университетских журналах, журналах Хераскова и Рейхеля, в любительском театре при университете, посещение открытой при университете публичной библиотеки и, главное, товарищеская атмосфера, установившаяся в отношениях между учащимися, — все это способствовало созреванию и укреплению в сознании сверстников Новикова идеи общественной инициативы. Очень существенно было также усвоение глубокого уважения студентов к личности и творчеству Ломоносова и Сумарокова и, может быть, еще более — молодого Хераскова.

Мы сравнительно мало знаем внутреннюю, идейную жизнь по-

---

[1] Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. XI. [Л.], 1949, с. 14.

коления Новикова в годы пребывания в университете, но дошедшие до нас сатирические произведения тех же лет свидетельствуют о том, что вопросы общественно-политической жизни страны привлекали внимание сверстников Новикова. Другим подтверждением этого являются переводы Фонвизина студенческих лет — политического романа «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя Египетского» Террассона и трагедии Вольтера «Альзира».

Нет необходимости подробно прослеживать дальнейшую биографию Новикова и его сверстников, тем более что монографий о Новикове имеется едва ли не больше, чем о каком-либо другом русском писателе XVIII г. Для нас важно было установить, в какой психологической и политической атмосфере протекали юношеские годы Новикова, как уже в этот период складывались его просветительские и политические интересы, первым осязательным свидетельством которых является его издательская деятельность в 1766 г.

Все же на некоторых моментах раннего периода биографии Новикова мы должны остановиться; это будут как раз такие факты его жизни, которые представляются обычно неясными, которые воспринимаются нами как поступки немотивированные или такие, мотивировка которых до нас не дошла. Такими фактами прежде всего являются увольнение Новикова из гимназии «за леность и нехождение в классы» и его уход в двадцатичетырехлетнем возрасте в отставку. Я не буду подробно останавливаться на первом пункте, так как у нас нет никаких документальных материалов для аргументации. Но обращу внимание на то, что в 1758 г. Новиков назван одним из «ближайших к награждению» учеников Благородной гимназии, «оказавшим успехи во втором французском классе у г. Николая Билона».[2]

Г. П. Макогоненко, остановившийся на втором вопросе в своей превосходной монографии, видит в поступке писателя результат определенной точки зрения: «Подать в отставку в двадцать четыре года, после работы в Комиссии, — писал Г. П. Макогоненко, — было актом большой принципиальности, было своего рода общественной демонстрацией».[3] Вполне естественно, что в этой связи Г. П. Макогоненко вспоминает знаменитый второй вопрос из «Вопросов сочинителю Былей и небылиц» Фонвизина: «Отчего многих добрых людей видим в отставке?». Мне кажется, с еще большим основанием следовало бы при обсуждении причин, заставивших Новикова уйти в отставку, вспомнить то место в действии третьем «Недоросля», где Стародум на вопрос Правдина: «Разве дворянину не позволяется взять отставки ни в каком уже случае?» — отвечает: «В одном только: когда он внутренно удо-

---

[2] Московские ведомости, 1758, 12 мая, № 38, прибавление, с. 8.

[3] Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, с. 107.

стоверен, что служба его отечеству прямой пользы не приносит. А! тогда поди».[4]

То, что писал Фонвизин в «Недоросле» и в «Вопросах сочинителю Былей и небылиц» о праве дворянина уходить в отставку, было связано не только с массовым уходом ряда лиц со службы в 1781—1783 гг., но и с общим вопросом об отношении передовых дворян к службе в государственном аппарате тогдашней России. Можно не сомневаться, что Новиков был одним из первых русских дворян, которые «внутренно удостоверились», что их служба в екатерининском государственном аппарате «отечеству прямой пользы не приносит». И уход его в отставку в начале 1769 г. вполне объясняется тем, что он именно так решил этот вопрос и нашел уже для себя подлинную сферу деятельности — а именно журналистику как форму служения обществу. В предисловии к первой части «Трутня» сквозь шутливые фразы, говорящие о якобы присущей издателю журнала лености, Новиков проводит серьезную, важную для него мысль: ни одна форма службы в государственном аппарате — ни военная, ни приказная, ни придворная — «не по его склонностям». «К чему ж потребен я в обществе?», — задает он себе вопрос и отвечает словами Сумарокова: «Без пользы в свете жить — тягчить лишь только землю». И продолжает: «Сие взяв в рассуждение, долго помышлял, чем бы мог я оказать хотя малейшую услугу моему отечеству». Он решает заняться журналистикой и печатать произведения, «особливо сатирические, критические и прочие ко исправлению нравов служащие, ибо таковые сочинения исправлением нравов приносят великую пользу», «а сие то и есть, — завершает свою мысль Новиков, — мое намерение».[5]

Если расшифровать это сатирическое предисловие, то вывод будет только один: «оказать услугу отечеству», по мнению Новикова, на государственной службе нельзя, а общественной деятельностью, деятельностью журналиста-сатирика можно принести «великую пользу».

Принятие подобного решения означало, что Новиков разуверился в способности государственной власти исправлять отрицательные явления в жизни народа и что за это должно взяться само общество. Этой идее Новиков остался верен до конца своих дней, и именно этой верности сложившемуся у него убеждению никак не хотела и не могла простить ему Екатерина.

Здесь целесообразно остановиться еще на одном месте в предисловии к «Трутню». В примечании Новиков перечисляет сочинения, которые он не станет печатать в своем журнале. Это произведения, «кои будут против бога, правления, благопристойности и здравого рассуждения». «Я надеюсь, — продолжает он, — что

---

[4] Фонвизин Д. И. Собр. соч., т. I. М.—Л., 1959, с. 131.

[5] Сатирические журналы Н. И. Новикова. Ред., вступ. статья и комментарии П. Н. Беркова. М.—Л., 1951, с. 46—47.

таковых и не будет, ибо против первых двух в наше время никто ничего не напишет, кто хотя искру понятия имеет, против последних же двух без сомнения благопристойность писать запретит».[6]

Однако эти словесные защитные сооружения не обманули Екатерину: она скоро поняла, что если против бога, благопристойности и здравого рассуждения «Трутень» не выступает, то с «правлением» Новиков ведет настойчивую и продуманную борьбу. Какие меры самозащиты приняла Екатерина, в основных чертах известно, и нет необходимости повторять это. Одно только надо указать. То труднопонимаемое произведение, которое безусловно принадлежит Новикову и напечатано во второй части «Живописца» (листы 8 и 9) под названием «Перевод»,[7] несомненно представляет собой одно из наиболее резких выступлений Новикова против Екатерины. Повторяющееся в этой статье несколько раз выражение «Неудобо-разумо-и-духодеятелен», которое «обыгрывает» Новиков, может быть понято только как намеренный дословный и потому неуклюжий и не совсем ясный перевод с немецкого. По намекам, рассеянным в статье, можно предположить, что слова «Неудобо-разумо-и-духодеятелен» были сказаны Екатериной и представляли ее отзыв о Новикове, каким-то образом дошедший до него. Так, прежде всего обращает на себя внимание заглавие «Перевод», — ни разу ни ранее, ни позже не встречающееся у Новикова. Далее — построение первой фразы: «Я теперь Неудобо-разумо-и-духодеятелен». Это выражение характеризуется как «новое и высокое изобретение осьмагонадесять столетия». Затем среди «ипохондриков» он изображает человека, в котором можно узнать отставного фаворита Екатерины; он стал «ипохондриком», «ибо обожаемая им повелительница — повелительница, которая по искусству своему... преобратила его своим непостоянством в дурака». Ограничимся только этими «наводками» Новикова. Если наше предположение правильно, то громоздкое и не сразу понятное в переводе выражение «Неудобо-разумо-и-духодеятелен» может означать, что уже в это время, в начале 1770-х годов, умственная и духовная деятельность Новикова стала для Екатерины неудобной. Злопамятная императрица оставила еще несколько одинаково враждебных отзывов о Новикове. Так, через 15 лет, в октябре 1788 г., А. В. Храповицкий занес в свой дневник слова Екатерины «C'est un fanatique».[8] Еще через пять лет Храповицкий со слов Державина записывает отзыв Екатерины о Новикове — «умный и опасный человек».[9] Есть еще один, как нам представляется, особенно замечательный отзыв Екатерины о Новикове, затерянный в дневнике московского про-

---

[6] Там же, с. 47.

[7] Там же, с. 405—410.

[8] Храповицкий А. В. Дневник с января 1782 по 17 сентября 1793 г. Под ред. Н. П. Барсукова. М., 1901, с. 100.

[9] Там же, с. 251.

фессора первой половины XIX в. И. М. Снегирева: «Екатерина II говаривала, что легче ей сладить с шведами и турками, чем с поручиком Новиковым».[10]

Что же делало Новикова столь опасным в глазах могущественнейшей в Европе императрицы?

Чтобы дать по возможности точный ответ на этот вопрос, мы должны вспомнить, какие исторические задачи русской жизни решало поколение, к которому принадлежал Новиков, а до этого необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Употребляя термин «поколение», Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, В. И. Ленин всегда имели в виду передовых людей приблизительно одного возраста, деятельность которых была ответом на исторические потребности народа в определенный момент его развития.

Конечно, понятие «поколение» не означает, что все эти молодые люди — сверстники имели совершенно одинаковые взгляды и действовали совершенно одинаково. Естественно, что сознание каждого из них формировалось под воздействием ряда факторов: национальных, классовых, семейных и, конечно, индивидуальных. Исходя из такого понимания этого термина, мы видим в истории России XVIII в. ряд поколений. Первое поколение — это современники Петра Великого, историческая задача которых состояла в том, что они способствовали, с одной стороны, появлению «петровских» реформ,[11] а с другой — их реализации. В этот период просвещенный абсолютизм играл положительную роль в русской жизни, и поэтому поколение первой четверти XVIII в. состояло из искренних последователей теории просвещенного абсолютизма и столь же искренно прославляло Петра.

Второе поколение передовых людей XVIII в. — Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков, — при всем различии их философских и социально-политических убеждений, также решало одну общую задачу: продолжать прогрессивную линию просвещенного абсолютизма, по крайней мере в плане теоретическом, несмотря на неспособность «ничтожных наследников северного исполина» (Пушкин) осуществлять эту линию. В этот период создается культ Петра как средство заменять реальную программу конкретных действий. Получилось так, что это поколение, защищая в теории просвещенный абсолютизм, самим созданием культа «идеального монарха» исподволь воспитывало в своих читателях, способных размышлять и сопоставлять, критическое отношение к царствовавшим императрицам и императорам.

---

[10] Снегирев И. М. Дневник, ч. I. 1822—1852. С предисл. А. А. Титова. М., 1904, с.359.

[11] О своем понимании «петровских» реформ я говорю в статье «Понятие „европеизация“ в истолковании В. И. Ленина и спорные вопросы истории русской литературы конца XVII—начала XVIII в.». — В кн.: Наследие Ленина и наука о литературе. Л., 1969, с. 300—312.

Перед третьим поколением передовых людей России XVIII в. — поколением Новикова, Фонвизина, Державина, Княжнина — стояла еще более сложная задача: после крушения идей просвещенного абсолютизма, сразу обнаружившегося в первые же годы царствования Екатерины II, найти замену этим идеям, не производя ни политической, ни тем более социальной революции. По-разному решали этот вопрос разные люди этого поколения. Так, Фонвизин, с одной стороны, считал «двор», то есть верховную власть, Екатерину, «неисцельно больным», а с другой, все же полагал, что писатель может быть в тиши своего кабинета «полезным советодателем своему государю, а иногда и спасителем сограждан своих и отечества». И Державин, считавший своей заслугой, что «истину царям с улыбкой говорил», но забывший при этом свои поразительные стихотворения «Властителям и судиям» и «Храповицкий! Дружбы знаки...», и Княжнин, смело сказавший, что «самодержавие повсюду бед содетель», и многие другие люди их поколения, утратив веру в благодетельность просвещенного абсолютизма, в той или иной форме высказывались за компромисс с самодержавием, которое надеялись исправить своими советами, своей помощью.

Новиков не ставил вопроса о компромиссе, так как не питал надежд на способность российских монархов следовать благим советам писателей и философов. В противоположность некоторым своим сверстникам он поставил своей главной задачей пробудить в русском обществе инициативу, создать влиятельное общественное мнение, воспитать сознательных патриотов, способных сочетать здравые национальные традиции и достижения новейших поколений русских людей с лучшими, оправдавшими себя на деле достижениями европейской культуры.

Сила Новикова и в то же время его слабость проистекали из его главного просветительского убеждения, что «мнения правят миром», из его веры в то, что распространение здравых воззрений, то есть подлинной нравственности среди людей, является основным, если не единственным средством уничтожения зла на земле. Утратив веру в то, что Екатерина и ее правительство способны и, главное, желают «исправлять нравы», Новиков всю свою жизнь посвятил борьбе со злом, как оно ему представлялось. Менялись только формы борьбы: сатирическая журналистика уступала место обширной и разнообразной книгоиздательской деятельности, параллельно вновь возникала журналистика, на этот раз философская, эстетическая, историческая, критическая. Даже после освобождения из крепости Новиков не успокоился, только ограничился пропагандой своих любимых идей в кругу единомышленников, — но борьба со злом оставалась у Новикова на всем протяжении его жизни единственным делом, и при этом источником зла представлялись ему прежде всего безнравственность, отсутствие прочных моральных убеждений и проистекающая отсюда, как он говорил, «развратность действий».

В этой верности борьбе со злом Новиков был непоколебим, и Екатерина в известном смысле была права, назвав его фанатиком.

Если попытаться охарактеризовать жизненный подвиг Новикова одной краткой формулой, то больше всего подошло бы определение «общественная педагогика, общественное воспитание в широком смысле слова». В это понятие вполне законно входят все разнообразные формы деятельности Новикова.

При изучении литературы XVIII в. нам часто приходится сталкиваться с тем, что проблема воспитания играла у многих тогдашних писателей исключительно важную роль. Обычно этот факт рассматривается исследователями только в качестве одной из сторон — и отнюдь не главной или хотя бы существенной — мировоззрения того или иного писателя. Между тем в условиях екатерининского режима проблема воспитания приобретала остро политический характер. Литература, продуманное издательство книг прогрессивного содержания, частные школы с передовыми программами обучения и умными педагогами, домашнее воспитание с помощью специально подготовленных русских гувернеров, или гофмейстеров, как называл их Новиков, издание особо подобранных театральных произведений — вот те первые области деятельности, в которых общество могло противопоставить Екатерине свое понимание «благополучия человеческого».

Проблему общественного воспитания Новиков понимал широко, и поэтому ни в коем случае нельзя реконструировать его педагогическую систему только на основании трактата «О воспитании и наставлении детей для распространения общеполезных знаний и всеобщего благополучия»,[12] а также других его специальных статей на ту же тему. В крепостнической России второй половины XVIII в. Новиков был в подлинном смысле слова воспитателем общества; это понимали тогда многие, и поэтому понятно, почему Екатерина считала его умным и опасным. Она понимала, что главная опасность Новикова заключалась в том, что он будил, организовывал общество, наглядно показывал обществу его силы и в то же время направлял эти силы на преодоление отрицательных явлений русской жизни, — по крайней мере тех, которые представлялись ему важнейшими.

В педагогических произведениях Новикова обращает на себя внимание одно существенное обстоятельство: он неоднократно говорит об обязанностях или, пользуясь его выражением, «должностях» людей по отношению к государству, но ни разу не говорит о «должностях» по отношению к государю, тем более к Екатерине. Если предшественники Новикова прославляли Петра и при его жизни, и потом, то у Новикова, за исключением стандартных для той эпохи комплиментов «великой монархине нашей»,

---

[12] Новиков Н. И. Избр. соч. Подгот. текста, вступ. статья и комментарии Г. П. Макогоненко. М.—Л., 1951, с. 417—506.

«достославному ее правлению», «ее неутомимому попечению» и т. д., мы не найдем ни одного открытого посвящения своих произведений Екатерине. За исключением посвящения первой части «Живописца» «Неизвестному сочинителю комедии „О время!“», которое было необходимо Новикову для иронически-разоблачительного «приписания», все остальные свои журналы и прочие издания Новиков посвящал либо тем лицам, которых уважал за их безупречную нравственность, хотя бы это были и находившиеся в опале сановники, либо, что особенно существенно, — «любезному Отечеству».

Так в сознании передовых людей России XVIII в. произошло важнейшее идеологическое изменение: прежнее нераздельно существовавшее понятие «государь—государство» разъединилось, и вторая часть «государство—отечество» отодвинула назад первую.

Выше было сказано, что просветительская вера Новикова в решающую роль идей в общественной жизни была одновременно и его силой, и его слабостью. Что составляло сильную сторону Новикова, мы видим; это было воспитание общества в сознании того, что оно может способствовать благополучию людей, не только не рассчитывая на помощь екатерининского правительства, но и вопреки ему. Но в чем же состояла слабость позиции Новикова? В том, что он не видел и не мог видеть непосредственные результаты своей воспитательской деятельности? Но ведь В. И. Ленин, говоря о роли революционной пропаганды Герцена, отмечал, что «целые десятилетия отделяют посев от жатвы».[13] И если это было сказано о Герцене, деятельность которого началась по крайней мере через 75 лет после выхода в свет новиковского «Трутня», то тем более справедливо это в отношении Новикова, выступившего в еще более трудное историческое время.

Слабость Новикова состояла также и не в том, что он обращался к поневоле узкому в ту эпоху слою образованных и стремившихся к образованию читателей. Она заключалась и не в том, что, сводя все бедствия людей к их безнравственности, источник последней Новиков видел в утрате почтения к религии. Дело в том, что «религия и христианство» (обычно Новиков ставил эти два понятия рядом) он считал «за самолучшее и надежнейшее средство быть добродетельным и благополучным»;[14] он утверждал, что «христианское учение есть учение практическое, учение истины, ведущее к блаженству». Однако в то же время Новиков говорил, что «дела важнее знания», «жизнь важнее веры».[15] Но при этом Новиков полагал, что «самый лучший есть христианин» тот, «кто далее успел в смирении, кротости, в люблении бога и ближнего, в благодетельности, в терпении, в отвержении от са-

---

[13] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21. М., 1961, с. 261.
[14] Новиков Н. И. Избр. соч., с. 488.
[15] Там же, с. 495.

мого себя и от света».[16] Этот аскетический идеал христианина, смиренного, кроткого, терпеливого, отрекающегося от света и от самого себя, был вполне приемлем для Екатерины, которая говорила об образцовом послушании и страхе божием как основных чертах русского национального характера.

Таким образом, слабость идейной позиции Новикова заключалась в том, что, ставя знак равенства между нравственностью и религией, он неизбежно приходил к противоречию с самим собой: вместе с призывами к общественной, коллективной борьбе со злом, с Екатериной, с развращенностью государственного аппарата, с невежеством и грубостью всех слоев общества он утверждал прямо противоположное, утверждал отказ от этой борьбы во имя смирения и терпения.

На пять лет более молодой, чем он, Радищев преодолел это противоречие; он понял, что

Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает,
Союзно общество гнетут;
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
На пользу общую, — рекут.[17]

И, поняв это, Радищев стал революционером.

Мы не станем повторять обычную формулу «классовая ограниченность помешала Новикову преодолеть противоречия его мировоззрения». Не станем повторять эту формулу, потому что не убеждены в ее спасительности и правильности. Если Радищев преодолел противоречия своего классового мировоззрения, то, очевидно, классовая ограниченность ему не помешала и, значит, она не всесильна и не фатальна. Очевидно, дело заключается не в ней. И если Радищев мог стать революционером и стал им, а Новиков был просветителем и мог стать революционером, но не стал им, то, по-видимому, причина лежала в них самих, в их личном идейном развитии.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали: «Наконец, в те периоды, когда классовая борьба приближается к развязке, процесс разложения внутри господствующего класса, внутри всего старого общества принимает такой бурный, такой резкий характер, что небольшая часть господствующего класса отрекается от него и примыкает к революционному классу, к тому классу, которому принадлежит будущее. Вот почему, как прежде часть дворянства переходила к буржуазии, так теперь часть буржуазии переходит к пролетариату, именно — часть буржуа-идеологов, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения».[18]

---

[16] Там же.
[17] Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. I. М.—Л., 1938, с. 4.
[18] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. М., 1955, с. 433—434.

Таким образом, для того чтобы отдельные представители господствующего класса могли «отречься от своего класса» и «примкнуть к революционному классу», должно наличествовать несколько условий: классовая борьба в данном обществе должна приближаться к развязке; процесс разложения внутри господствующего класса должен принять бурный, резкий характер; наконец, идеологи, переходящие из господствующего класса к классу, которому принадлежит будущее, должны уметь возвыситься до теоретического понимания всего хода исторического процесса.

В России конца XVIII в. не было налицо всех тех условий, о которых говорили Маркс и Энгельс, но кое-что было: было движение Пугачева, была реакция Екатерины, было известно о революциях в североамериканских колониях Англии и во Франции. Были исторические события, которые можно и должно было теоретически осмыслить.

Радищев сумел возвыситься до теоретического понимания исторического процесса и написал революционную книгу. Новиков этого не сделал. Станем ли мы упрекать его за это? Думаю, что мы будем справедливы, если вместо порицаний или даже сожалений принесем дань нашей благоговейной благодарности тому, кто был мостом между просветителями 40-х годов XVIII в. и декабристами, тому, кто собственным примером подтвердил свои слова: «Жизнь важнее веры».